

Василий Буслаев (6)

...А во том-то было во Нове-городе,
Кабы был, заводилса тут почесен пир,
А тогда-то бы вси весьма придумали,
Как позвать-то дородня добра молодца,
А сильнёго могуця храбра воина,
Как по имени Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружинишкой хороброей;
Как послали они тогда скоро посла,
А просить его со матушкой с родимоей,
А просить-то во Нов-город на почесен пир.
Кабы скоро послы теперь поехали,
Попросили Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружиной со хороброю;
А на то бы Василей не ётслышен был,
Со матушкой Василей снаряжается,
Со своей бы дружиной сподобляется,
А поехал Василей в славной Новгород,
Кабы в той бы карете золоченой,
Кучеров молодцов очунь хороших,
Как стрещают-то их да с чесью, с радосью,
Как проводят-то их да в грини светлыя;
Они все на пиру да напивалисе,
Они все на чесном да пьяны-веселы,
На пиру бы молодцы да прирохвастались,
А один-от бы хвастат золотой казной,
А иной-от бы удачей молодецкоей,
А иной-от бы силой богатырскоей,
А иной-от бы несчатым скатым жемчугом,
Кабы умной бы хвастат старой матерью,
А безумной похвалятся молодой женой,
А тогда-то Василей не ётступчив был:
— Уж вы ой, молодцы новгорожаны!
Ищэ хто со мной бьётся о велик заклад:
Я возьму бы, побью да славной Новгород,
Не кому со мной во городе не выстоять.

Мужики новгородчана не отступицивы;
Унимала-то дружина его хоробрая:
— Уж ты ой есь, Василей сын Буслаевич!
Не серди ты удалых добрых молодцов,
Нам не чесь-то, хвала будет молодецкая,
На пиру сидеть-спорить, теперь, здóритця.
Унимала его матушка родимая:
— Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич,
Полно-те спорить, полно здóрити.
А Василей не на чё да не здавайтсе,
Не уступат им удалой доброй молодец;
Они бились тогды да о велик заклад,
Они сделали условьё промежу собой,
Ай когды открыть войну да на чистом поли,
А в коё бы то врёмё, кой часы,
Кабы вся его дружина подписалася,
Как под ту бы бумагу, под условьё все.
Отходил бы крутёненько тут почесен пир,
Со пиру-то бы все да расходилисе,
По домам-то бы все да разбежалисе;
Поезжат бы Василей сын Буслаевич,
Со своей-то со матушкой родимой,
Со своей бы дружинушкой хороброей,
Приезжал бы в полаты белокаменны.
Она тут-то тогды да думу думала,
Как бы как-то скротить да сына милого?
Она удумала бы сделать почесен пир,
Напоила бы его тут зеленым вином;
Он бы пьет, гостит со матушкой родимой,
А то матери-то сам не оберегайтсе,
Не берегайтсе бы матери, не опасайтсе;
Он напился допьяна зелена вина,
Кабы где-как бы пал, да тут бы спать бы лёг.
То-то думала матушка родимая,
Созвала бы кузнечей да крепких мастеров,
Заковала бы вокруг окошечка косявчаты,
Заковала у его да руки белые,
Заковала у его да ноги резвые,
Занаплецны железа сделала десить пуд,

Кабы на руки железа были пять пудов,
Повалила на кроватоцьку тисовую,
А на ту бы перинушку пуховую,
Одевальницей закрыла чёрных соболей,
Ясны очи закрыла камкой хрущатой,
Как замкнула она тогды за́ три замка,
Ай за́ три бы замка, крепки весучие,
Тут поставило сторожов за караульниих.
Он бы спит молодец, да просыпаитсе,
Ото сну времё детине розбужатисе.
Как во ту-то бы пору, да во то времё,
Тогды шла-то девушка из Нова города,
Подбегали ко его высокому терему,
Ко тому бы ко окошечкю косявцету,
Ко его-то бы нонь да ложни тёплой,
Говорит бы девушка таково слово:
— Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич!
Ты хорош был во славном Нове-городе,
Ты удал был, боёк битьсе, ратитьсе,
С мужиками новгородскими о велик заклад,
А тепере ты, Василей, сам запрятался.
Да твоей-то дружины мало можется,
Не может стоят да со Новым городом,
А у их-то вси головы приломаны,
Кушаками ихны головы поверчены.
Ото сну тогда Василей пробужаитсе,
От великой хмелины просыпаитсе,
Он учуюл на се железы злы — тяжелые,
Его ясны-ти очи помутилисе,
Как горечи его слезы прокатилисе,
А могучие плечи расходилисе:
Он срывал тогды железы да со белых рук,
А спихал-то железы да со резвых ног,
Они лопнули железы, розлетелися,
Потенулея-то он да могуцьми плецьми,
Кабы сорвал железа занаплецные,
Тогды стал молодец на своей воли,
Кабы стал со кроватоцьки тисовой.
Он белешинькё Василей умыва́итсе,

Тонким белым полотенцем утирайтсе,
А накладывал на ся тогды кунью шубу,
Надевал сапоги тогды сафьянные,
Опояску опоясывал он шелкову,
Не того видно шелку, что российского,
Дорогого славна шелку шематинского,
Приходил ко дверям нонь ко железным:
— Уж вы ой еси, стражи каравульня!
Отмыкайте замки скоро весучия,
Выпускайте меня удала добра молодца,
Мне не времё-то жить теперь во комнаты,
Мне-ка времё-то итти на свою волю,
Как ийти-то бежать во славной Нов-город.

От стражей-то Василью нынь ответу нет;
Как тогда-то Василью за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Его ясные оци помутилисе,
Как могучи-то плечи расходилися,
Богатырско его сэрцо разъярилосе,
Он пинал-то бы двери всё железныя,
Розлетелися двери на середь двора,
Кабы сорвал замки все весучия,
А стражи-то бы все усторилися;
Выходил-то бы Василей вон из комнаты,
Да не хто бы не смет слова вымолвить,
Говорил-то девице душе красной:
— Когда буду я, Василей, на своей воли,
Наделю-то тебя я золотой казной,
Я обыплю тебя скатным жемчугом.

Не берёт-то Василей золотой казны,
А берёт толькё Василей свой черленой вяз,
По весу коя палица буёвая,
По весу она бы тенёт — девяносто пуд;
Побежал то Василей в славной Нов-город,
Ко своей-то дружинушке хороброй,
Он бежал-то Василей по чисту полю,
Ай не есен-то сокол перелёт летел,
Ай то бел-то бы кречет перепурх пустил.
Ой немного поры да миновалосе,

Тут бы стретилась им женщина снарядная,
Говорит-то она да таково слово:
— Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич!
Ты горазд был гостить да во Нове-городе,
А горазд ты был биться о велик заклад,
А теперь-то молодец да приюпраталсе,
Уж ты выдал дружинушку хороброю;
Как твоей-то дружине мало можется,
А не может стоять да с Новым городом,
У их вси-то головы испроломаны,
Кушаками ихны головы поверчены.
Ай Василью это слово за беду стало,
За великую досаду показалося,
Он срывал-то бы с женщины платье цветное,
Обнажил-то женщину всю дбнага,
Отдавал-то бы платье девице душе красной:
— Ты прими-тко девица душа красная!
Когда буду-то я да на своей воли,
Награжу я тебя да золотой казной.

Он бежит-то бы Васька по чисту полю,
Ай не есен-то сокол перелёт летит,
Ак белой-то бы кречет перепурх пустил,
Он бы столь скоро бежит по чисту полю;
Повстречался ему калика перехожая,
Кабы тот старичище Перегримищо,
Ай несёт бы колокол да девяносто пуд,
На своей-то несёт да буйной головы:
— Уж ты молодо курё не попархивай,
Молодыя Василей не похвастьвай:
Я ведь был богатырь, да не в твою пору,
Не в твою-то бы пору, не тебе ровня;
Уж ты выдал всю дружину хоробрую,
А твоей-то бы дружины мало можотся,
Все у их головы проломаны,
Кушаками их головы поверчены.

А Василью тогды да за беду стало,
За большу ему досаду показалося,
Его ясны-ти оци помутилисе,
Как горяци его слёзы покатилисе,

Он выхватывал бы скоро свой червеной вяз,
Он махнул старику по буйной головы,
По тому колоколу всё великому;
А и стоит старичонко, не ворохнетсе,
Как на головы-то кудри всё не тряхнутся;
А тогда-то Василью за беду стало,
За большу бы досаду показалося,
Побежал-то бы Васька к речки Волховой,
А стоял под горой тут да сырой дуб,
О двенатцети он сажен был печатных,
Вырывал-то бы сырой дуб из кореню,
Он хвостал бы о матушку сыру землю,
Розлетелси бы дуб да на три жеребья;
Он схватил бы то жеребей с кокорою,
Он бежал бы тогда да на круту гору,
Он махнул старика Перегримища,
Как из той бы из силы богатырской,
Разломил колокол да на три жеребья,
Он бы сорвал же голову с могущих плеч.
А ищэ у старика язык воротитсэ:
— Уж ты ой еси, Василей сын Буслаевич!
Ай не будет тебе да поединщика.

А тогда шел бы Васенька во Нов-город,
Прибежал-то Василей в славной Нов-город,
А дружины-то стало да мало можится,
Ищэ все их бы головы проломаны,
Кушаками их головы все поверчены,
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Уж вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Вы отдальтесь-ко прочь да во чисто поле,
Уж вы дайте-ко мне-как розгулятисе,
С новгородцами мне-как поотведаться,
Поотведаться нонь, да поправитсе.

Отшанула вся дружинушка хоробрая,
Он бы взял-то бы круто свой черленой вяз,
Он бы стал вязом Васька помахивать,
Как не хто-то не можот битсья-ратитсья;
Ай летал он по силы, силы армии,
Кабы бегат Василей как бы лютой зверь;

Ай увидели во городе как стрась таку,
Они думали бы думу промежду собой:
— Не стоять видно с удалым добрым молодцом.

Посылали они теперь скоро посла,
Ко его-то бы матушки родимоёй,
Уняла чтобы своего чада милого.
Кабы скоро-де послы тогды поехали,
Приезжали они тогды к Омельфе Тимофеевны,
Кабы просят они тогда нижающе,
Как нижающе просят, со покорностью,
Уняла чтобы своего чада милого,
Ай бы милого бы сына, всё любимого;
Отвечат-то им она да таково слово:

— Уж вы ой, нонь еси да люди добрыя!
Уж вы что надо мной да посмехаетесь?
У мя спит-то бы чадо, не пробудитсе,
В крепких-то железах, во тяжелыхих.

— Уж ты ой еси, Омельфа Тимофеевна!
Ты подлегчи, сходи да в гриню светлую.

Ай пошла бы она да в гриню светлую,
Его нету во грине, не случилось,
Ай во грине лежит всё приломано,
Ай назад бы тогды да поворот даёт,

От стражей, караульщиков она спрашивает:

— Ай куды у мне ушел да любимой сын?
От стражей-то тогда да отчету нет,
А слезами-то стражи да уливаются,
А не хто-то бы не смет да слово вымолвить;
Ай пошла тогда Омельфа Тимофеевна,
Как пошла-то в свои да новы комнаты,
Призывала своих да добрых молодцов,
Ищэ тех бы нонь слуг да придворных,
Приказала запречь тогда добра коня,
Ищэ в ту бы корету золочёную,
Ай проведать своего чада милого,
Ай любимого бы сына одинакого;
А на этой слуги не отслышились,
Запрегали бы в карету золоченую,
Повезли-то е да в славной Нов-город,

Привозили-то её да в славной Нов-город,
Как на то бы побоище великое,
Как на то бы кроволитье непомерное,
Как кричит она, зычит да громким голосом:
— Уж ты ой есь, ты мой ясен сокол!
Уж ти ой еси, моё ты чадо милое!
Ай любимое дитя ты одинокое!
Умири ты свое да ретиво сэрцо,
Опусти ты свои да руки белыя.

А кричит вся дружинушка хоробрая,
Как ревут все, зычат за громким голосом,
Не чому-то бы Василей тут не бардуёт;
Побежала она к ему добру молодцу,
Захватилася ему да за праву ногу,
Волочилась бы она да по чисту полю,
Как кричит-то, зычит дружинушка хоробрая:
— Уж ты ой есь, удалой доброй молодец!
Умири свое серцо богатырское,
Опусти ты свои да руки белыя.
Говорит-то Василей сын Буслаевич:
— Ищэ што это да онуча привязалосся?
Говорит-то дружина всё хоробрая:
— Привязалася-то к те родна матушка.
Как тогды-то бы удалой доброй молодец,
Опустил свои да руки белыя,
А поставил-то бы он своей черленой вяз,
Как во славну во матушку сыру землю.
А на то бы мужики были догадливы,
Да таскали тогды золото со всех сторон,
А осыпали бы вяз-от золотой казной,
Нонь не видно стало палицы боевой;
Покорился-то весь да славный Нов-город;
Выдавали, отдавали золоты ключи.

*(Записано летом 1902 г. в д. Пылемец Пустозерской вол. (Нижняя Печора) от
Степана Федоровича Хабарова, 69 лет)*

Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.